

КОНСТАНТИН НАУМОВ

**ОЧЕНЬ
СИНИЙ**

**ОЧЕНЬ
ШУМНЫЙ**

МОСКВА
Издательство АСТ

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6
НЗ4

Книга публикуется в авторской редакции

Наумов, Константин

НЗ4 Очень синий, очень шумный / Константин Наумов. — Москва: Издательство АСТ, 2019. — 256 с. — (Лабиринты Макса Фрая).

ISBN 978-5-17-109866-7

Мне уже давно хотелось издать книгу Константина Наумова; автор на это сперва говорил: «Рано думать о книге, у меня пока слишком мало рассказов», а потом: «Я подумую», а потом: «Я подумал, надо кое-что выкинуть и еще несколько текстов написать». Ну и так далее. Нормальный в общем рабочий процесс. А в январе 2018 года Константин Наумов погиб, и теперь мы издаем его книжку без спроса. Время от времени я сажусь и пишу ему письмо с извинениями и объяснениями: «У вас очень крутые рассказы, будет обидно, если их никто не прочитает, тексту все-таки нужен читатель, как растениям свет и вода». Пишу, а потом стираю — а как еще переписываться с мертвыми? Неотправленные, стертые письма — единственный вариант. Я очень не хочу, чтобы это издание выглядело мемориальным, «в память о...», — ну, как обычно в таких случаях говорят. Не мемориальное оно. Это хорошая книга очень хорошего писателя, которую мы с ним вместе просто не успели издать, думали, что у нас еще много времени, а его у нас не было; впрочем, никакого времени вообще нет.

Макс Фрай

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-109866-7

© Константин Наумов, текст
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Моей семье

ОСТРОВА

Одно место из многих — поворот, где старая военная дорога уходит вверх от Пянджа. С афганской стороны — битый камень, узкая тропка вверх-вниз. С нашей — тропинка от дороги, свечки тополей, ржавая колючая проволока — минное поле последней войны. На знаке — человек с оторванной ногой, надпись «осторожно — пехотные мины». Человек скопирован со знака «пешеходный переход». Оторванная нога летит мимо, а он упрямо шагает вперед — одноногий стойкий оловянный солдатик.

Если лечь на мелкие камушки рядом с тропой, виден обрыв, блестит Пяндж внизу, пахнут полынь и душица. Памир упирается в небо белыми шапками. Нужно закрыть глаза, и через тебя потечет время. Или — время остановится, и ты потечешь сквозь него, это, понятно, — без разницы. Сквозь закрытые веки — красный свет, цвет твоей и моей крови.

Когда откроешь глаза, будет пахнуть чуть по-другому, иначе блеснет река, лицо твоего водителя окажется незнакомым, и он будет старше. Это другой мир — вот и все, не в первый и не в последний раз, правильно?

...Еще можно вернуться — когда ты только открыл глаза. Закрой их снова, дыши. «Ткань тонка, иголка остра — время вернуться», — повторяй эти глупые стишки, крути их в голове по кругу, следи за светом, за запахами, за ощущением — вовремя открой глаза и ты окажешься там, где был. Может быть. Может быть.

Нет — тогда живи новый мир, открывай, замечай разницу. Вода здесь вкуснее, кошки — злее. Смешной зверь выдра — пугливее.

Следи за запахами, следи за ощущениями. Хочешь развлечься — думай о том, как узнать самый первый мир, тот, из которого ты родом. Или прикидывай — сколько их было, какие они были. А первый — его тебе все равно не найти. Я, например, понял про миры ощутимо позднее, чем начал шагать между ними. Как угадать, даже если случайно попадешь туда? По запаху? По звуку?

Ребенку легко сделать шаг из мира в мир — и потеряться навсегда. Вот, например, — я очень помню — был тот день, когда все не так с утра. Речка — дура, бабочка — кретинка. Родители смотрят чужими взглядами, комната выглядит странно, непривычно. У книжек в шкафу — чужие переплеты, в узкое пространство за кроватью можно вдруг просунуть руку, а сосед — полный балбес — оказывается не так уж плох. Стоишь на воротах, не понимая, в чем смысл игры (тебя потому и поставили на ворота), и вдруг — простое, очевидное — да просто я проснулся сегодня не туда. Чужой, новый мир — весь твой, чтобы узнать, отличить, запомнить.

...Сколько их было? С желтым, желтоватым, красноватым солнцем? С огуречным запахом у травы и с травяным — у огурца? Очень осторожно я пробовал LSD, потому что описание было похоже — оказалось — не то, шагать между мирами — совсем другое. Наркотик ничего не меняет, кроме твоего собственного восприятия — предельно глупый способ увидеть что-то новое. Нужно иначе.

Иногда ты хочешь сделать шаг. Иногда все происходит само собой. Ты живешь мир за миром, жизнь за жизнью. С доброй мамой, злой мамой, чужой мамой. С верным другом, скучным другом, мертвым другом. Шагаешь из вселенной во вселенную, а люди вокруг говорят: прошло столько лет, смотри-ка, ты совсем не изменился. Ты приносишь новый снимок в новый паспорт — и чиновник долго сравнивает их. Недовольно сопя, ищет разницу, которой нет.

Жизнь течет вокруг тебя, пока ты лежишь на мелкой щебенке, где-то у горной дороги на высоком Памире. Открой глаза, открой мир вокруг себя. Через тебя течет время, ты — все тот же. Бесконечная череда вселенных, чтобы прожить свою долгую-долгую жизнь. Но среди множества обитаемых миров есть одна вещь, что не дает мне покоя, вопрос без ответа и без возможности ответа. Вот он: когда я открываю глаза в новом мире, кто занимает мое место в предыдущем? Кто, неотличимый от меня, живет там, пока я — живу здесь?

КРЫЛЬЯ

...**О**дна огромная комната: старинная ванна почти в середине, длинная галерея — узкая лестница ведет в патио: на дне пересохшего бассейна — тонкие скелетики летучих мышей.

...деревянные, старые и опытные; они стонут непрерывно: первый аккорд, когда касаешься ногой — это звучат поверхностные слои древесины, крошки и грязь в трещинах. Наступаешь — и начинает петь, прогибаясь, сама доска — звук трения о соседей, звук собственных трещин, тоскливый скрипт гвоздя в ржавой дыре. На долю секунды стихает, и настоящий стон — когда ступенька теряет нагрузку — громкий, надрывный.

...креольском кафе — лестница выходит прямо в зал — принимают только наличные, конечно: липкие пластиковые банкноты из автомата на углу. На его железной клавиатуре вдавленные арабские цифры и латинские буквы — под коркой перманентных маркеров разных цветов. Поколения аборигенов наносили их слой за слоем — трудно поверить, как много письменных систем используют собственную цифровую нотацию. Автомат